

УДК 821.163.41

АЛЛЮЗИИ ЛИРИКИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА В ОДАХ СБОРНИКА П.П. НЕГОША
«ОТШЕЛЬНИК ЦЕТИНЬСКИЙ»

Л.С. ЦИМАНОВИЧ

(Белорусский государственный университет)

liudmila_riko@tut.by

Представлен анализ первого опубликованного сборника Петра II Петровича Негоша «Отшельник цетиньский». Поскольку основной его идеей было прославление России и ее первых государственных лиц, стихи, вошедшие в книгу рассматриваются с точки зрения возможного влияния творчества Г.Р. Державина. Во-первых, он является признанным мастером одической лирики в русской литературе в частности и в славянских литературах в целом; во-вторых, Негош высоко ценил его творчество. Проведен сопоставительный анализ, доказывающий, насколько близки были воззрения русского и черногорского поэтов. Преимуществом идей обнаруживается не только в панегирической лирике Негоша, но и в стихах философской и патриотической тематики.

Ключевые слова: Ода, Черногория, Россия, сербская литература, русская литература.

Введение. В 1833 г. состоялась первая поездка Петра II Петровича Негоша в Россию, продолжавшаяся без малого полгода, а также ставшая первым далеким путешествием поэта и началом его знакомства с миром за пределами Балканского полуострова. Великолепие российской столицы и то радушие, с которым его приняли, глубоко поразили поэта. О его чувствах и эмоциях можно судить по письму, которое он из Петербурга отправил Вуку Стефановичу Караджичу: «Сдается мне, что поднят я на крыльях Дедала, и из воздуха наблюдаю, или же во сне осматриваю столицу, которую с полным правом можно назвать столицей царя и именно великого» [1, с. 42].

Рефлексии об этой поездке в Россию нашли отражение в сборнике Негоша «Отшельник цетиньский» («Пустињак цетиньски», 1834), изданном в Цетиньской типографии вскоре после возвращения, куда вошло десять поэтических произведений: «Черногорец – всемогущему Богу» (*Црногорац к свемогућему Богу*), «Черногорец в плену у вилы» (*Заробљен Црногорац од виле*), семь текстов одического характера: «Ода на День рождения Всероссийского Императора Николая Первого» (*Ода на дан рођења сверског императора Николаја Првог*), «Отзовись на мой голос, свирель...» (*Одјекуј ми гласе, свиро*), «Ода на День рождения наследника русского престола царевича Великого князя Александра Николаевича» (*Ода на дан рођења наследника руског престола цесаревича великог књаза Александра Николајевића*), «Князю Александру Николаевичу Голицину» (*Књазу Александру Николајевићу Голицину*), «Степану Дмитриевичу Нечаеву» (*Степану Дмитријевићу Нечајеву*), «Нева-река, зеркало человечества...» (*Нево, р'јеко, огледало људства*), «Дунул ветер сильный на Россию...» (*Дуну вјетар јаки пут Русије*), сатирическое произведение «Ода турецкому султану» (*Ода султану турскоме*), а также посвящение сборника сербскому народу.

Основная часть. В сборнике доминирует ода, однако у Негоша в данном жанре высокого стиля встречаются элементы народного языка, а некоторые из своих хвалебных сочинений он вообще слагает по образцу народных эпических песен. Эдвард Гой дал одам Негоша следующую характеристику: «Эти стихи написаны восьмисложником и полны помпезных похвал в стиле оды, которая тогда еще была в моде в России, и самым искусным представителем которой был Державин» [2, с. 17]. Действительно, Г.Р. Державин (1743–1816) является одним из самых выдающихся поэтов русской литературы в жанре оды, и его влияние прослеживается во многих произведениях сборника черногорского поэта.

Так, элементы сюжета и композиции стихотворения «На рождение в Севере порфиринового отрока» Г.Р. Державина четко можно проследить в «Оде на День рождения наследника русского престола царевича Великого князя Александра Николаевича» Негоша, где повествуется о появлении на свет будущего российского императора Александра II.

Следует отметить, что сам наследник родился 29 апреля 1818 г., т.е. задолго до первой поездки Негоша в Россию (июнь – декабрь 1833 г.) и написания самого стихотворения (1834). То есть, сербский поэт не мог быть ни на приемах в честь рождения цесаревича, ни на празднованиях его дней рождения. Однако, несмотря на это, избрал для оды будущему государю именно сюжет его рождения, так же как это сделал Державин в стихотворении «На рождение в Севере порфирородного отрока», которое было написано в 1779 г. Событием, подтолкнувшим Державина на написание оды, стало рождение в Санкт-Петербурге престолонаследника Александра Павловича Романова (Александра I) 23 декабря (12 декабря по старому стилю) 1777 г. В самом стихотворении нет точной даты рождения монаршей особы, однако ее можно определить, раскрыв смысл авторских метафор: Державин, используя мифологические образы, описывает лютые холода, которые, как по волшебству, исчезают с появлением на свет «порфирородного

отрока»: *В это время, столь холодно, / Как Борей был разъярен, / Отроча порфиородно / В царстве Северном рожден. / Родился – и в ту минуту / Перестал реветь Борей; / Он дохнул – и зиму люту / Удалил Зефир с полей; / Он воззрел – и солнце красно / Обратилося к весне; / Он вскричал – и лир согласно / Звук разнесся в сей стране; / Он простер лишь детски руки – / Уж порфиру в руки брал; / Раздались Громы звуки, / И весь Север воссиял* [3, с. 88].

Как приводит объяснения самого Державина Я. Грот, резкая смена погоды связана не с реальными событиями 1777 г., а с тем, что «декабря 12 дня... солнце оборачивается на весну» [4, с. 81–82], т.е. автору прекрасно удалось обыграть в поэтическом плане данное природное явление.

Теперь обратимся к «Оде на День рождения наследника русского престола царевича Великого князя Александра Николаевича» Негоша. Здесь мы также наблюдаем резкую смену погодных условий и внезапную оттепель: *Зачем север, для мира страшный, / в лучи сияющего солнца / сейчас принарядился? / Солнце ли это стало / с другой стороны свой цикл вершить, / и природа закон вечный / так страшно нарушила? / Моря ли это, льдом скованные, / и горы всего севера / к светящемуся шару чистому / обернулись и пали? / Смотри, какие чудеса происходят!* [5, с. 75] (Здесь и далее в цитатах перевод наш. – Л.Ц.).

Как уже было упомянуто, Александр II родился 29 апреля 1818 г., т.е. в период, для которого не характерны замерзшие реки и покрытые снегом вершины гор (которых в западной части России практически нет вообще, в отличие от Черногории). Однако это не единственная фактографическая ошибка Негоша в данном произведении. Далее сербский поэт описывает преобразование Петербурга, вызванное рождением престолонаследника, хотя на самом деле Александр Николаевич Романов родился в Москве: *Как Петров град светится, блистает, / сверкают молнии, гремит гром, / над ним по воздуху / текут реки огненные! / Нева чистая и голосистая / идет смело и весело / плести венец бессмертия / младенцу великому / Николая, Александры, / а Петрополь над ней удивительный, / смотрит на светлое лицо, / гордится и веселится, / так как видит рождение / наследника своей славы, / своему отцу подобного.* [5, с. 75–76]

Однако у Негоша Петербург является олицетворением Петра Великого, пример которого столь важно подчеркнуть черногорцу, ведь именно при этом императоре сложились столь важные для балканского народа русско-черногорские связи, и была оказана братская поддержка. Кроме того, обширные описания северной столицы, в отличие от упоминаний Москвы, обусловлены и тем, как заметила Н.Д. Блудилина, что «здесь сказываются и живые впечатления поэта, посетившего Петербург, которым он восхищался, а в его поэзии рождались образы, призванные символически зафиксировать победы человеческого гения, которому сама природа плетет венец бессмертия» [6, с. 87].

Негош также призывает Александра II продолжать традиции объединения славян и во всем следовать примеру своих родителей: *«Живи, процветай, Александр! / Примером тебе пусть будут / твои великие родители; / по их пути везде ходи, / и так быстро ты достигнешь / всемогущества Древнего Рима... / Живи для всех и здоров будь, / будь тем, кто права славянские / возвышает и будь для них щитом твердым, / как твой отец храбрый* [5, с. 76–77].

Аналогичный призыв мы находим и у Державина, однако у русского поэта наряду с родителями упоминается Екатерина II, которую Державин считал воплощением просвещенного монарха: *Возрастай, уподобляясь / Ты родителям во всем; / С их ты матерью равняйся, / Соравняйся с божеством* [3, с. 89].

Сопоставимость призывов двух стихотворений заметил еще П.А. Лавров, анализируя сборник Негоша «Отшельник цетиньский». Однако развивать данную тему он не стал, заметив лишь в сноске: «Подобное обращение (к престолонаследнику – Л.Ц.) у Державина, который был известен поэту...» [7, с. 225].

Так же как и Державин, Негош весьма широко использует образы античности: у него царь с царицей восседают на «Олимпе славянском», Александру предрекают «достичь всемогущества Древнего Рима», а столица Российской Империи названа «Петрополь»: примечательно, что такое название города неоднократно использовал Г.Р. Державин в своих стихах. Однако тема апофеоза престолонаследника, в отличие от оды Державина, выражена не так явно. Если русский поэт открыто называет Александра I «богом» (*Я подумал в изумлении: / Знать, родился некий бог* [3, с. 88] или «полубогом» (*Возрастай, дитя прекрасно! / Возрастай, наш полубог!* [3, с. 89]), то Негош, ввиду духовного сана и личных религиозных убеждений, лишь косвенно «обожевляет» будущего императора, поселив его на «Олимпе славянском», т.е. используя метафору Олимпа как места, где, согласно древнегреческой мифологии, жили только боги.

Одной из знаковых метафор сборника «Отшельник цетиньский» является позаимствованный у Державина «венец бессмертия»: его мы находим в «Оде на День рождения наследника русского престола царевича Великого князя Александра Николаевича»: *Нева чистая и голосистая / идет смело и весело / плести венец бессмертия / младенцу великому / Николая, Александры* [5, с. 75], а также в «Оде на День рождения всероссийского императора Николая Первого»: *Сейчас посланники со всего мира / к твоему царю стремятся неистово: / и в его день рождения / с каждым славянином / плести венцы бессмертия, / и украшать ими две головы – / Николая, Александры* [5, с. 71].

Примечательно также, что в данном стихотворении Негош употребляет еще одну знаковую для творчества Державина метафору – это «памятник» в духовном смысле: *А мы, братья твои / в горах чер-*

ногорских, / полюбили голос свободы, / в наших простых сердцах / будет памятник воздвигнут / защитнику наших прав - / Николаю великому [5, с. 71–72].

Поскольку ранее в творчестве Негоша данные метафоры не встречались, может быть уместным предположение, что их сербских поэт позаимствовал именно у Державина. Примечательно также, что «венец» как символ признания заслуг станет центральным в творчестве Негоша, и он использует его в названии своего главного сочинения – поэмы «Горный венец». Однако это еще впереди, а в сборнике «Отшельник цетиньский» он еще раз венчает головы Романовых «венцом славы» в стихотворении «Отзовись на мой голос, свирель», которое также посвящено императору Николаю I, однако написано уже полностью на народном языке рифмованным восьмисложником, что, в свою очередь, придает ему весьма мелодичный характер и делает похожим на песню, прославляющую военные подвиги. Особо следует выделить строки, в которых говорится об освобождении Дуная от турок: *Дунай у него (у царя – Л.Ц.) сейчас в руках, / это Стамбулу причиняет мучения;* [5, с. 74]. По содержанию они практически идентичны словам державинского стихотворения «Гром победы, раздавайся!»: *Воды быстрые Дуная / Уж в руках теперь у нас; / Храбрость Россю почитая, / Тавр под нами и Кавказ* [3, с. 241].

Следует отметить, что данное стихотворение, положенное на музыку О.А. Козловского, в свое время было весьма популярно в качестве неофициального гимна России во времена правления Екатерины II: «В России общеупотребительного светского гимна долго не существовало... Во время царствования Екатерины II композитор О.А. Козловский (1757–1831) – «директор придворной бальной музыки» сочинил полонез «Гром победы раздавайся». Он был написан в 1791 году по случаю взятия Измаила на слова Г.Р. Державина (1743–1816) и фактически стал неофициальным гимном» [9, с. 200–201].

При взятии Измаила в состав Российской империи попало лишь устье Дуная, фактически же территория, прилегающая к реке на Балканах, оказалась в «славянских руках» именно после русско-турецкой войны 1828–1829 гг., когда «Россия заставила султана издать специальный указ (хатт-и-шериф), провозглашавший Сербию самоуправляемым княжеством под верховной властью Турции» [10, с. 27], а случилось это именно в период правления Николая I, и Негош в стихотворении «Отзовись на мой голос, свирель» подметил данный факт весьма точно.

В стихотворении автор не дает больше ни одной аллюзии на сербские земли, кроме Дуная, однако употребление данного гидронима весьма характерно для раннего Негоша в качестве метафоры целого региона и народа, проживающего в нем. В «Оде на День рождения всероссийского императора Николая Первого» сербский поэт также употребляет названия русских рек, описывая широту и масштаб российского государства: *Москва, Нева, Волга, Дон, / пусть ваши чистые воды / сейчас сильнее всего вскипят, / пусть сейчас растут, чистые прыгают; / самый большой вам будет праздник* [5, с. 68–69].

Следует отметить, что такой прием (употребление гидронимов в качестве метафоры) Негош еще неоднократно использует в произведениях своего первого сборника, а наиболее ярко это выразится в стихотворении «Нева-река, зеркало человечества», где автор, обращаясь к реке, на которой расположен Санкт-Петербург, воспекает целую династию Романовых: *О ты, Нева, всегда со славою текла, / тобою гордились народы - / твой русский храбрый с братьями-славянами! / Всегда тебя слава короновала / и дом Романовых царствовал!* [5, с. 81].

Кроме хвалебных посвящений, в сборнике «Отшельник цетиньский» есть произведения, носящие ярко выраженный сатирический характер. Наибольший интерес из них представляет «Ода турецкому султану», в которой Негош обращается не к конкретному правителю Османской империи, а передает образ, сложившийся в сознании его подданных: «Автор осмеивает те преувеличения, которыми фантазия мусульманина украшает могущества султана» [8, с. 227]. Так что перед читателем предстает гротескный гиперболизированный образ: *Ты солнце сияющее над солнцами, / которое греет всем туркам! / Голова твоя возвышается над луной, / сабля твоя в три раза длиннее! Святитель чистой веры тобой дышит, / перо твое тополя выше, вокруг него отростки и ветви, которыми турки от зла защищаются!* [5, с. 94].

Само стихотворение написано «низким штилем», согласно теории М.В. Ломоносова, «каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел» [11, с. 589], и по своему содержанию скорее именно эпиграммой и является. И хотя объем произведения выходит за привычные для нас рамки эпиграммы, следует учитывать, что и в русской литературе до Пушкина «образцы эпиграмм XVIII в. страдают еще большей тяжеловесностью» [12, с. 1114–1115], так как для русской словесности данный жанр был новым. Аналогичная ситуация наблюдалась и в сербской литературе.

Однако парадоксальная особенность «Оды турецкому султану» заключается в том, что Негош определил жанр данного произведения именно как «ода». Для чего понадобилось сербскому поэту использовать подобный прием? Во-первых, вспомним, что все произведения, входящие в сборник «Отшельник цетиньский» имеют одическую направленность: в каждом из них присутствует элемент восхваления, будь то панегирики российской императорской семье и сановникам, прославление Бога или своего Отечества и России. И назвав обращение к турецкому султану одой, Негош стремился подчеркнуть целостность сборника. Во-вторых, объяснить данное несоответствие поможет сопоставительный анализ данного сочинения с некоторыми произведениями Г.Р. Державина.

Как известно, Державин первым в истории русской литературы прибег к введению элементов сатиры, относящихся к низкому «штилю», в произведение высокого стиля – оду. «Торжественная ода Державина соединяет в себе этические установки старших жанров – сатиры и оды, некогда абсолютно контрастных и изолированных... Само по себе это соединение буквально разрывает изнутри каноны устоявшегося ораторского жанра оды и классицистические представления о жанровой иерархии поэзии и чистоте жанра» [13, с. 288]. Данный прием им был использован в знаменитой оде «Фелица» для разоблачения низменной натуры приближенных «царевны Киргиз-Кайсацкия орды» [3, с. 97], а также в стихотворении «Вельможа», где автор призывает «*блюсть народ, царя любить, / О благе общим их стараться, / Змеей пред троном не сгибаться, / Стоять – и правду говорить*» [3, с. 216]. Примечательно, что Державин строит свое произведение на контрасте, начиная с того, какими он видит реальных вельмож, и чем это опасно: *Кумир, поставленный в позор, / Несмысленную чернь прельщает; / Но коль художников в нем взор / Прямых красот не ощущает, – / Се образ ложных молвы, / Се глыба грязи позлащенной! / И вы, без благодати душевной, / Не все ль, вельможи, таковы?* [3, с. 212]

Как уже было упомянуто, в «Оде турецкому султану» Негош использует собирательный образ султана, каким его видят подданные. Преувеличения, использованные сербским поэтом, можно объяснить именно отсутствием «благодати душевной» (образования, нравственности, сострадания) у верных султану турках и потурченцах, прежде всего.

Вспомним и знаменитое державинское стихотворение «Властителям и судиям», в котором также содержится укор сильным мира сего в превышении полномочий и призыв быть максимально справедливыми: *Цари! Я мнил, вы боги властны, / Никто над вами не судья, / Но вы, как я подобно, страстны, / И так же смертны, как и я. / И вы подобно так падете, / Как с древ увядший лист падет! / И вы подобно так умрете, / Как ваш последний раб умрет! / Воскресни, боже! боже правых! / И их молению внемли: / Приди, суди, карай лукавых, / И будь един царем земли!* [3, с. 92].

Также и у Негоша в «Оде турецкому султану» высмеивается идея всемогущества правителя Порты вершить человеческие судьбы, подобно Богу: *Ты один правишь, как нужно туркам, / но ничто голову не сломит / и корону от тебя не отнимет, / так как если и Стамбул у тебя заберут, / не смогут отнять святого и небесную Каабу* [5, с. 94].

Негош в данном произведении широко использует мусульманскую символику, что позволяет думать об антиисламском характере стихотворения. Однако это заблуждение: «Бог как таковой никогда не был предметом религиозных противоречий между черногорцами и турками. Разница между вероисповеданием одних и вторых заключается, прежде всего, в разнице их культа и морали» [14, с. 126]. Мусульманская символика в данном стихотворении призвана облечь обращение к султану в форму, подобную молитве. Но это молитва не правильная – она обращена не к Богу, а к смертному человеку. Примечательно, что державинское «Властителям и судиям» также является своеобразной молитвой, ибо представляет собой поэтическое переложение Псалма № 81.

Данные замечания указывают на близость взглядов и философского понимания соотношения Бога и человека в творчестве двух поэтов. Нельзя утверждать, что при написании «Оды турецкому султану» Негош руководствовался какими-либо образцами Державинской поэзии. Скорее всего, данное стихотворение было написано им еще до поездки в Россию в 1833 г. Как утверждал Р. Лалич, Негош планировал опубликовать его в приложении к сборнику эпических песен *Глас каменитака* («Голос горца»), рукопись которого он отвез для издания в Вену по пути в Россию [15, с. 314]. Но поскольку данный сборник в свет так и не вышел при жизни поэта, Негош посчитал нужным дополнить «Одой турецкому султану» сборник «Отшельник цетиньский», в котором он пробовал себя в разных стилях и направлениях, используя различные литературные приемы, в том числе и сатиру.

Кроме произведений одического характера, в сборник «Отшельник цетиньский» входят два сочинения, в которых автор не затрагивает темы России – это «Черногорец всемогущему Богу» и «Черногорец в плену у вилы». И хотя в плане содержания данные произведения весьма отличаются от других стихотворений сборника особой философской глубиной, влияние творчества Г.Р. Державина в них прослеживается.

Стихотворение «Черногорец всемогущему Богу» открывает одну из центральных тем в творчестве сербского поэта – тему божественного начала человеческой души, которая впоследствии разовьется в стихотворениях «Мысль», «Кто это на высокой горе», «Вечерняя молитва», достигнув апогея в поэме «Луч микрокосмоса». Как верно отметил Иво Андрич, «во всей нашей литературе у нас нет поэзии, которая была бы ближе Богу, и которая была бы написана более возвышенно. Для нас это много, потому что это – все» [16, с. 22].

В стихотворении «Черногорец всемогущему Богу» автор размышляет над ничтожностью человека перед Богом-творцом всего сущего во вселенной, при этом осознавая, что в человеке горит «искра огня» божественного, замкнутая в телесную оболочку, которая препятствует постижению Бога. Понимание конфликта разума с его стремлением к Богу, с одной стороны, и тела с присущей ему уязвимостью и желаниями, с другой, делают человека по-настоящему несчастным. Поскольку мысль об этом не давала по-

эту покоя, то стихотворение он назвал «Черногорец всемогущему Богу», под «черногорцем» имея в виду себя, человека, одного из многих, живущего среди высоких гор, необъятных просторов с разнообразием форм жизни, проявляющейся внутри: *посмотрю на ровные поля, / разными цветами украшенные, / посмотрю на гордые горы / в зелень одетые / или на цветок, едва заметный, - / повсюду вижу тебя всемогущего* [5, с. 65].

В заглавии автор сознательно умаляет себя, отказываясь от таких определений, как «поэт» или «мыслитель», подчеркивая тленную природу человека и принадлежность его судьбы власти Бога. Негош себя видит лишь одним из обитателей черных гор, своего маленького народа, которому во всем остается лишь уповать на Бога: *Но у меня больше нет сил / ближе тебя видеть, / но по предметам видимым / создателя их буду славить / и с удивлением великим / душой, сердцем тебе кричать: / «Ты царь мой и всего остального, / чья рука заложила / фундамент всего видимого / и в руках которого / конец той же величины! / Тебе слава бесконечная, / тебе честь нескончаемая, тебе спасибо, всемогущему, / пускай есть и будет / пока существуют люди и народы!* [5, с. 66–67].

Сходную философскую концепцию видения Бога можно найти в творчестве Г.Р. Державина: «вопрос о Боге не был праздным в XVIII веке, многие писатели-классицисты высказывались по этому поводу. Однако мало у кого из них была ясно составленная, по-державински четко выраженная система причинно-следственных отношений Бога и человека, перенесенная в поэтическую литературу из христианских источников православной веры» [17, с. 63]. Как известно, вершиной творческих размышлений о соотношении Бога и человека стало стихотворение Державина «Бог», идея которого возникла в 1780 г., а воплощение нашла в марте 1784 г., т.е. когда самому писателю было 40 лет. Таким образом, можно заключить, что Державин в своем произведении делает вывод о божественной сущности на основании уже пройденного им пути и многолетних размышлений о Боге и месте человека в мироздании. «Ода «Бог» стала настоящим литературным откровением, в котором выразились духовные поиски Державина и в котором русская поэзия вновь обрела свою первостепенную тему» [7, с. 63]. Примечательно, что Негош свое стихотворение написал в 1833 г., т.е. в возрасте 20 лет. Исходя из этого, очевидно, что само представление о Боге как «океане бесконечном», и о человеке, как «пловце без весел» в этом океане, Негошу было присуще еще с ранних лет, а поэтическую форму данная идея нашла в стихотворении Державина, которое настолько понравилось Негошу, что он, опираясь на него, решил написать свое собственное произведение.

Одним из первых исследователей творчества Негоша, который заметил влияние знаменитого стихотворения Державина «Бог» на «Черногорец всемогущему Богу» был П.А. Лавров автор фундаментального исследования «Петр II Петрович Негош, владыка черногорский и его литературная деятельность»: «Черногорец всемогущему Богу» выражает религиозную настроенность владыки. В нем нельзя не видеть местами подражания, а в общем влияния оды Державина «Бог». Стихотворение отличается глубиной чувства и в нем есть строфы, совершенно самостоятельные» [7, с. 229]. Тем не менее, как верно отметил Драгомир Костич, «Стихотворение было написано..., очевидно, под влиянием стихотворения «Бог» русского поэта Державина. Влияние – Державина, а переживания – Негоша» [18, с. 379].

В самом деле, прочитав только первые стихи Негоша, вспоминаешь начало произведения Державина:

Негош
*О ты, существом бесконечный
Без начала и без конца!* [5, с. 62]

Державин
*О ты, пространством бесконечный,
Живый в движенъи вещества...* [3, с. 114]

Далее по тексту Негош повествует об ограниченности человеческого разума для постижения Бога, похожие слова можно отыскать и у Державина, правда, представленные в конце произведения, подводя читателя к заключению. Сравним:

Негош
*Ты свет свой сокрыл
многоцветным покрывалом
величества и пространства,
и не дашь, чтобы видело тебя
око души нацумнейшей,
ни чтобы ум тебя вообразил,
но только начнет он о тебе думать,
занесет его в бескрайность,
от высокого к высшему пойдет,
летит жаждущий тебя увидеть,
или тень хотя бы твою!*[5, с. 62]

Державин
*Неизъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать твоей;* [3, с. 115]

И хотя лирического героя Негоша весьма печалит факт невозможности осмыслить Бога, его утешает то, что в душе у него теплится «искра огня» божественного, т.е. душа, которая и роднит его с Бо-

гом. У Державина мы также находим переход от ничтожности человеческого «я» перед Богом до обнаружения Божьей частицы внутри «себя»:

Негош

*О, ты, сущность высшая,
ты же меня создал таким
недальновидным и маленьким?
И чему я подобен?
Я надеюсь, что-то твое
в моей душе сияет;
неизвестный, но я горжусь,
что с тобой схожее имею [5, с. 63]*

Державин

*А я перед тобой — ничто.

Ничто! — Но ты во мне сияешь
Величеством твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод. [3, с. 114]*

Анализируя представление Негоша о душе человеческой, Николай Велимирович в своем исследовании «Религия Негоша» писал: «То, что бессмертно в человеке, это как одна искра из божественного огня, к которому она, освобожденная от тела, опять возвращается» [41, с. 81]. Однако не исключено, что данная мысль посетила поэта после прочтения державинских строф, в которых говорится о попытке мысленно вознестись к пониманию Бога:

Негош

*Но было и что-то малое,
что может уподобится,
Со светом твоим большим,
Крошечная искра огня,
которая вырвется, во тьме летит
от огненного океана,
Пока опять к нему не вернется
[5, с. 63–64]*

Державин

*Не могут духи просвещенны,
От света твоего рожденны,
Исследовать судеб твоих:
Лишь мысль к тебе взнестись дерзает,
В твоём величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.
[3, с. 114]*

Из приведенного выше сопоставительного анализа очевидна преемственность двух произведений в плане содержания. Однако в лирическом герое Негоша ощущается повышенный трепет и волнение перед лицом Бога: будто в тайне мироздания, которую не способен постичь человек, кроется благополучие его собственной судьбы. Об этом свидетельствует и объем произведения, больший, чем у Державина (ввиду включения дополнительных рефлексий о бытии: 160 стихов у Негоша и 110 – у Державина), а также метрика: стройные ямбы Державина излучают уверенность позиции автора, каждая его строфа звучит как манифест. Негош же для написания своего стихотворения использовал характерный для народной поэзии нерифмованный восьмисложный стих, ставший весьма популярным среди поэтов иллирийского движения в XIX в. «В прошедшие века, на широких югославянских просторах танцевали большое героическое «коло», где исполнялись восьмисложные героические песни. Дольше всего это «коло» просуществовало в Черногории...Насколько восьмисложная эпика, как песня для «кола» была близка слуху черногорца, показывает количество эпических восьмисложных стихов в творчестве двух правителей Черногории: владыки Петра II и князя-короля Николы I. Свои большие произведения «Горный венец», «Луч микрокосмоса» и «Самозванец Степан Малый» Негош написал десятисложным стихом, а поэтическое произведение «Свободиада», которое он адаптировал народному «колу», т.е. обычному черногорцу, он написал нерифмованным восьмисложным стихом» [20, с. 179–181]. Исходя из этого определяется и главное различие двух произведений: стихотворение Державина ввиду своей стройной формы звучит как ода Богу, а «Черногорец всемогущему Богу» по причине своей тональности больше походит на песню, обращенную к Богу, т.е. на молитву, которая «как разговор с Богом, стал для него (Негоша – Л.Ц.) источником и радости и утешения, и в то же время критерием для определения, что есть совершенная воля Божия. Молитвенное вдохновение и непрерывное богомыслие давало ему и силу для любого его начинания на поприще и епископском, и поэтическом, и государственном» [21, с. 4].

Самым объемным произведением сборника Негоша «Отшельник цетинский» является «Черногорец в плену у вилы». По жанровым особенностям его можно считать поэмой, так как в нем прослеживается четкая фабула и есть все основные элементы сюжета. Кроме этого, «Черногорец в плену у вилы» отличается от других стихотворений сборника идейной направленностью: данная поэма носит ярко выраженный патриотический характер: «В этом сотворении мы видим во владыке патриота, с гордостью вспоминающего светлые страницы сербской истории, оплакивающего темные и питающего надежды на лучшую будущность своего племени» [7, с. 229]. Также следует отметить, что в этом произведении Негош отходит от традиций классицизма, широко представленных в других сочинениях его сборника,

и создает наполненную духом романтизма поэму. Подтверждением тому являются уход от реальности посредством магического перенесения главного героя на лебедь на вершину Ловчена, обращение к народным мифологемам (образ вилы), обширные описания природы, на фоне которой и происходит действие, а также идея национального освобождения сербского народа.

Примечательно, что для осмысления судьбы сербского народа Негош выбирает мотив сна. «Сон, который не лжет, и в котором все допускается, был идеальным поэтическим средством для достижения новой чувственности и нового гуманизма [22, с. 39]. Во сне главному герою поэмы Драго Драговичу посредством ретроспективы показывается история Сербии, в которой много печальных эпизодов. У Негоша сон – это «возможность проникновения в иное измерение, открывающее необычные перспективы и возможности. Мотив сна, таким образом, приобретает максимально серьезный смысл; провиденциальный сон, преодолевающий времени и пространства сродни сну творческому, поэтическому вдохновению...» [23, с. 87].

Сходную концепцию сна мы находим и в творчестве Г.Р. Державина, который прибегал к данному литературному приему в таких своих произведениях, как «Видение мурзы», «Водопад», «Свобода». Последнее из них сопоставимо с поэмой Негоша по композиции: у Державина лирический герой также засыпает на лоне природы, и во сне к нему являются призрачные существа, предлагающие ему земную власть. Однако герой от нее отказывается, провозглашая высшим идеалом личную свободу: *Не хочу моей свободы, / Советь на мечты менять: / Гладки воды, коль погоды / Их не могут колебать. / Власть тогда моя высока, / Коль я власти не ищу* [3, с. 292].

У Негоша в поэме также присутствует лейтмотив свободы, но здесь речь идет о свободе целого народа. Именно эта свобода, по мнению автора, является основой для развития свободы личности. Об этом Негош намекает, назвав своего лирического героя вымышленным именем «Драго Драгович». История данного имени такова: на одной из первых страниц издания сборника «Отшельник цетинский» было написано: «Напечатано в типографии свободы черногорской на Цетине. Передано и допущено в печать цензором Драго Драговичем» [24, с. 1]... «Это была чистой воды шутка, так как не было никакой цензуры, и незачем и не для кого было ее вводить, но, по примеру других государств, было выделено одобрение цензора с именем «Драго Драгович», что обозначало «пиши то, что тебе драго (т.е., что хочешь)» [25, с. 68].

Таким образом, включение в сборник «Отшельник цетинский» поэмы «Черногорец в плену у вилы», которая, на первый взгляд, сильно отличается от других вошедших произведений, обусловлено идейной направленностью произведения: Негош устами Драго Драговича поет оду свободе и независимости.

Заключение. Следует отметить, что стихотворения Негоша, вошедшие в сборник «Отшельник цетинский», являются его первыми попытками написания одических произведений. Донести до читателя свои мысли о России и ее месте в славянской общности и в мире, о Боге и его соотношении с человеком, о Сербии, ее истории и будущих перспективах сербский поэт стремился во многом опираясь и где-то подражая Г.Р. Державину. Однако это не помешало ему создать весьма искренние и самобытные произведения одического жанра. И хотя некоторые литературоведы подчеркивают небольшую литературную ценность од Негоша, по нашему мнению, воспринимать данные произведения следует с точки зрения литературной практики молодого поэта и поиска собственного поэтического стиля, в становлении которого традиции русской литературы, и прежде всего творчество Державина сыграли не последнюю роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Негош, Петар II Петровић. Вуку Стефановићу Караџићу / П.П. Негош // Собр. соч. : в 7 т. – Београд : Просвета, Цетиње: Обод, 1974. – Т. 5. – С. 42–43.
2. Гој, Е. Сабља и пјесна / Е. Гој. – Подгорица : Октоих, библиотека “Негош”, 2000. – 132 с.
3. Державин, Г.Р. На рождение в Севере порфирородного отрока / Г.Р. Державин // Стихотворения. – Л. : Советский писатель, 1957. – С. 87–89.
4. Державин, Г.Р. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота : в 9 т. / Г.Р. Державин. – СПб. : Типография императорской академии наук, 1864. – Том 1, т. III. – СПб., 1866. – С. 872.
5. Негош, Петар II Петровић. Ода на дан рођења наследника руског престола цесаревича великог књаза / П.П. Негош // Собр. соч. : в 7 т. – Београд : Просвета, Цетиње: Обод, 1974. – Т. 1. – С. 75–77.
6. Блудилина, Н.Д. Русские историософские мифологемы в начальной поэзии Негоша / Н.Д. Блудилина // Литературные взаимосвязи России XVIII–XIX вв. : по материалам российских и зарубежных архивохранилищ. – М. : ИПО «У Никитских ворот», 2015. – Вып. 1. – С. 127–143.
7. Лавров, П.А. Петръ II Петровичъ Нѣгошь владыка черногорский и его литературная дѣятельность / П.А. Лавров. – М. : Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1887. – С. 402.
8. Державин, Г.Р. Гром победы, раздавайся! / Державин Г.Р. // Суворов, А.В. Наука побеждать. – М : Олма Медиа Групп, 2014. – С. 241–245.
9. Боханов, А.Н. Император Николай I / А.Н. Боханов. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 499 с.
10. Симакова, О.А. История южных славян (с древнейших времен до 1914 г.) : учеб.-метод. комплекс / О.А. Симакова, С.С. Александрович. – Минск : БГУ, 2006. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/92075>.

11. Ломоносов, М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке / М.В. Ломоносов // Полное собрание сочинений : в 11 т. – М. ; Л. : АН СССР, 1950–1983. – Т. 7 : Труды по филологии 1739–1758 гг. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. – С. 585–592.
12. Чехихин-Ветринский, В.Е. Эпиграмма / В.Е. Чехихин-Ветринский // Литературная энциклопедия : словарь литературных терминов : в 2 т. – М. ; Л. : Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. – Т. 2. П–Я. – Стб. 1114–1115.
13. Лебедева, О.Б. Жанрово-стилевое своеобразие лирики Г.Р. Державина (1743–1816) / О.Б. Лебедева // История русской литературы XVIII века : учеб. для вузов. – М. : Высш. шк.; Изд. центр «Академия», 2000. – С. 280–309.
14. Велимировић, Н. Религија Његошева / Н. Велимировић. – Подгорица : Октоих, библиотека “Његош”, 2001. – 164 с.
15. Лалић, Р. Белешке и објашњења / Р. Лалић // Његош Петар II Петровић. Пјесме // Целокупна дела Петра II Петровића Његоша : Књига прва. – Београд : Просвета; Цетиње: Обод, 1982. – III издање. – С. 259–408.
16. Андрић, И. Његош као трагични јунак косовске мисли / И. Андрић. – Подгорица : Октоих, 1996. – 73 с.
17. Горячева, О.Н. Интерпретация ветхозаветного и новозаветного образа Бога в оде Державина / О.Н. Горячева // К 260-летию со дня рождения Г.Р. Державина : сб. науч. работ. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2004. – С. 58–64.
18. Костић, Д.Ј. Прва Његошева песма (Црногорац к свемогућему Богу) / Д.Ј. Костић // Од косовског завета до Његошевог макроkozма: Петар II Петровић Његош (1813-2013) : междунар. тематический сб. – Косовска Митровица, 2014. – С. 377–387.
19. Велимировић, Н. Религија Његошева / Н. Велимировић. – Подгорица : Октоих, библиотека “Његош”, 2001. – 164 с.
20. Kilibarda, N. Usmena književnost / N. Kilibarda // Istorija crnogorske književnosti : монография : в 3 т. – Podgorica : Institut za crnogorski jezik i književnost, 2012. – Knjiga I. – С. 270.
21. Бойович, К. иеромонах. Митрополит Петр II Петрович Негош как христианский философ : автореф. дис... канд. богословия / К. Бойович. – Сергиев Посад, 2008. – С. 32.
22. Вучетић, Ј. Сан и његова откривалачка функција у племенском животу Његошевог дела / Ј. Вучетић // Баштина. 2013. – № 35. – С. 29–44.
23. Кумбашева, Ю.А. Мотив сна в русской лирике первой трети XIX века : дис... филолог. наук : 10.01.01 / Ю.А. Кумбашева. – СПб., 2001. – 230 с.
24. Петровић, Петар Владика Црногорски. Пустињак цетињски: сборник стих. – Ценинџ: Штампарија Црногорска, 1834. – 43 с.
25. Ровински, П.А. Ровински о Његошу / П. А. Ровински. – Цетиње : Обод, 1967. – 274 с.

Поступила 25.04.2016

THE ALLUSIONS OF G. DERZHAVIN POETRY IN THE ODES OF P. NEGOŠ COLLECTION «THE HERMIT OF CETINJE»

L. TSIMANOVICH

This work presents an analysis of the first published collection of Petar II Petrovic Njegos "Hermit of Cetinje". As its main idea was the glorification of Russia and its rulers, the lyrics included in the book are considered in terms of the possible impact of G. Derzhavin works. On the one hand, he was the leader in writing odes in Russian literature in particular and in the whole Slavic literature in general; on the other hand, Negosh admired his works, getting from them characters and ideas. Also, the research includes comparative analysis which proves how similar were the views of Montenegrin and Russian poets. The continuity of Derzhavin ideas is observed not only in Njegos panegyric poetry, but also in his philosophical and patriotic works.

Keywords: *The Hermit of Cetinje; ode; Montenegro; Russia; Serbian literature, Russian literature.*